

Следующие два дня Чэнь Лин старательно избегал встреч с предком наедине, опасаясь его внезапных и обескураживающих речей. Большую часть времени он проводил в своей комнате, усердно изучая книги и рисуя талисманы.

Воспользовавшись моментом, когда наставник отвлекся, он вынул из телескопической дубинки проклятый кнут и украдкой погладил его.

С тех пор, как Чэнь Лин стал свидетелем мощи кнута, способного рассекать призраков, он проникся к этому оружию благоговейным трепетом и одновременно жгучим желанием снова испытать его в деле.

Понимая, что его собственных сил пока недостаточно, чтобы в полной мере овладеть проклятым кнутом, он попросил У Вэйвэя достать ему для тренировок обычную ивовую плеть.

Взяв поддельный кнут, он отправился на задний склон горы Юйхэ и принялся хлестать им по земле, раз за разом повторяя удары. Ему даже удалось выбить несколько пучков сухой травы.

У Вэйвэй, исполняя роль преданного поклонника, восторженно аплодировал.

— Чэнь-гэ, ты великолепен!

Чэнь Лин одним движением кисти свернул плеть и аккуратно обмотал её вокруг предплечья. Увидев, что времени ещё много, он обнял У Вэйвэя за плечи, и они, перевалив через вершину горы, спустились к строительной площадке.

Бригадир Ян, человек ответственный и добросовестный, в отличие от многих других не пытался навязывать своё мнение и строго следовал чертежам, предоставленным Чэнь Лином. К настоящему моменту первая терраса была вырыта уже наполовину.

Глядя на вырисовывающийся у подножия горы дугообразный контур, Чэнь Лин спросил:

— Сколько примерно дней уйдёт на завершение первой террасы?

— Ещё как минимум три дня, а потом нужно будет хорошенько утрамбовать землю, — ответил бригадир, по привычке собираясь угостить его сигаретой. Вспомнив, что молодой начальник не курит, он протянул сигарету У Вэйвэю.

— Я тоже не курю, — отказался тот.

— Я помню, Старый мастер Чжао тоже не курит, — улыбнулся бригадир.

— Мой наставник предпочитает вино, — сказал Чэнь Лин и, указав на северо-восточный и северо-западный углы у озера, добавил: — Оставьте эти два места, я собираюсь установить там каменные статуи.

— Хорошо, я сейчас попрошу ребят огородить эти участки, чтобы не забыть.

— Да, спасибо за беспокойство.

— Да что вы, это же моя работа, — ответил бригадир и, вспомнив что-то, радостно улыбнулся. — Господин Чэнь, а на вашей горе Юйхэ и впрямь жизнь стала появляться. Последние пару ночей рабочие, когда в карты играют, постоянно сверчков слышат. Уже не так, как раньше — наступит ночь, и тишина мёртвая.

Вспомнив о первых днях работы, он смущённо добавил:

— Честно говоря, когда я только приехал с рабочими, было страшно. Где это видано, чтобы на горе было так... безжизненно. Кроме жителей деревни у подножия, ни одной живой души.

Если бы он заранее не изучил местность и, получив предложение о сотрудничестве от Чэнь Лина, не навёл справки, то подумал бы, что здесь раньше было кладбище для бродяг.

— Раньше почва была плохая, растения не приживались, вот животные и насекомые сюда и не шли, — повторил свою версию Чэнь Лин.

— В этом есть смысл, — кивнул бригадир. Услышав, что его зовут рабочие, он сделал Чэнь Лину знак и ушёл.

Чэнь Лин вместе с У Вэйвэем подошёл к краю тёмной воды. Поверхность озера была покрыта отвратительной плёнкой, а на мелководье виднелась чёрная, как сажа, земля.

Всё живое обладает духовной энергией, но гора Юйхэ была наполнена лишь энергией смерти.

И всё же именно это место чудесным образом облегчало его состояние.

В памяти всплыла сцена, когда Чжао Сюньчан резко сменил тему разговора. Глядя на своё отражение в тёмной воде, Чэнь Лин задумался. Наставник что-то от него скрывал, что-то очень важное.

— Чэнь-гэ, — У Вэйвэй вдруг толкнул его локтем.

— Что такое? — очнулся Чэнь Лин.

— У тебя телефон звонит, — сказал У Вэйвэй. — Я тебя несколько раз звал, а ты не реагируешь. О чём ты так задумался?

— Думал, что на ужин съесть, — уклончиво ответил Чэнь Лин и, достав телефон, увидел, что звонит Дин Цзюньюань.

— Господин Чэнь, я у подножия горы Юйхэ, передо мной развилка. Куда мне ехать? — Голос Дин Цзюньюаня звучал немного смущённо. В прошлый раз он был так подавлен, что ехал, полностью полагаясь на указания Чэнь Лина, и не запомнил дорогу.

— Поворачивайте налево, — сказал Чэнь Лин и, потянув за собой У Вэйвэя, пошёл вдоль берега тёмного озера, чтобы встретить гостя. — Господин Дин, зачем вы приехали?

— Привёз вам гонорар за работу и заодно захватил надгробие.

«...»

Чэнь Лин замер с телефоном в руке. Надгробие для предка было готово.

Дин Цзюньюань, ведя свою небольшую машину, миновал несколько домов из красного кирпича с синей черепицей и, проехав ещё около километра, добрался до двора Чэнь Лина.

Ворота были открыты, и, выйдя из машины, он увидел старика, который с опаской, но в то же время с нежностью и любовью кружил вокруг большого сине-фиолетового попугая.

Сгибаясь под тяжестью сумок, он с трудом постучал в деревянные ворота.

— Простите, господин Чэнь дома?

Чжао Сюньчан отложил орехи и, обернувшись, удивлённо приподнял седые брови.

— А, это ты. Чэнь Лин ушёл на гору стройку проверять, вернётся попозже. Проходи, садись.

— В таком случае, я вас потревожу, — сказал Дин Цзюньюань и, войдя во двор, заметил, что он немного изменился с его последнего визита.

В тот день дом показался ему заброшенным и пустынным, одиноко стоящим в стороне от других. Сегодня же он был наполнен спокойствием и уютом. Солнце освещало черепицу, придавая ей блеск, и всё вокруг дышало тихой идиллической красотой.

Чжао Сюньчан оглядел его с ног до головы и нахмурился.

— Почему от тебя всё ещё так сильно веет инь-ци? На солнце совсем не бываешь?

Дин Цзюньюань смутился. В июле-августе солнце было беспощадным. Зная о своей слабости, он осмеливался выходить на улицу только рано утром, когда солнце только вставало, чтобы немного погреться и прогнать зловещую ауру.

Чжао Сюньчан, конечно же, всё понял и усмехнулся.

— Если не хочешь загорать, можешь купить полынь. Завари её, добавь отвар в ванну и полежи. Эффект будет не хуже.

— Я запомню, спасибо за совет, Старый мастер Чжао, — поспешно кивнул Дин Цзюньюань. Он поставил принесённые подарки и под пристальным взглядом Чжао Сюньчана сел на каменную скамью, чопорно сдвинув колени.

С этого места ему была видна комната Цзян Юя. В стене, обращённой ко двору, не было окон, а дверь была приоткрыта, и внутри царила непроглядная тьма, словно там затаился опасный тёмный зверь.

Сердце Дин Цзюньюаня забилось чаще, руки и ноги вспотели. Он хотел отвести взгляд, но не мог заставить себя.

— Не смотри туда, — сказал Чжао Сюньчан, заметив его состояние, и, подойдя, загородил ему вид.

Дин Цзюньюань вздрогнул, по спине пробежал холодок.

— Старый мастер Чжао, что это сейчас было? В той комнате, кажется, кто-то есть...

— В той комнате никого нет, — Чжао Сюньчан положил руку ему на плечо и развернул его в другую сторону. — Это комната нашего финансового менеджера. Знаете, те, кто часто имеет дело с иньскими вещами, всегда носят на себе что-то необычное.

Дин Цзюньюань больше не осмеливался смотреть в ту сторону. Он уставился на каменный стол и застыл, словно статуя.

Примерно через десять минут вернулся Чэнь Лин. Он подошёл к столу, выпил стакан воды и похлопал Дин Цзюньюаня по плечу.

— Господин Дин, что с вами? У вас лицо бледное.

— Испугался, — Чжао Сюньчан кивнул в сторону комнаты Цзян Юя. — Пойди, закрой дверь плотнее. Даже когда его нет, оттуда веет злобой.

Цзян Юй прожил в этой комнате достаточно долго, и его аура пропитала её, не рассеиваясь. Поначалу это было не так заметно, но в последние два дня даже У Вэйвэй старался не проходить мимо этой двери.

На Чэнь Лина, однако, это не действовало.

Заперев дверь, он спросил Чжао Сюньчана:

— Он уехал?

— Угу, — кивнул тот. — Вскоре после того, как вы ушли на гору, за ним прислали машину из семьи Цзян. Кажется, по поводу инвестиций в нашу гору Юйхэ.

Раз дело касалось работы, то и отсутствие на рабочем месте было уважительным. Чэнь Лин кивнул и посмотрел на Дин Цзюньюаня.

— Я собирался в эти дни сам заехать к мастеру Суню.

— В эти дни студия закрыта. Мастер Сунь от нечего делать закончил надгробие, — ответил Дин Цзюньюань, уже немного придя в себя и порозовев. — Надгробия для тех двух детей тоже почти готовы. Завтра или послезавтра я вам их привезу.

— Я сам заберу. От города досюда далеко, не стоит вас беспокоить.

— Что вы, это не беспокойство, — возразил Дин Цзюньюань. — Вы решили мою проблему со студией, спасли меня. Привезти надгробие — это меньшее, что я могу сделать. Так и договоримся: всё, что сделает мастер Сунь, я буду привозить вам сам.

Боясь, что Чэнь Лин откажется, он поспешно достал из сумки толстый, тяжёлый конверт.

— Это гонорар. Остальное я выплачу в три приёма.

— Не торопитесь, — сказал Чэнь Лин и передал деньги У Вэйвэй. — Отдай это наставнику, пусть он переведёт тебе с общего счёта, а ты уже перешлешь Ли Хуньюю.

У Вэйвэй, держа в руках тяжёлый конверт, был вне себя от радости.

За все годы своей практики он впервые видел столько денег.

Услышав слова Чэнь Лина, Дин Цзюньюань вспотел от волнения. Боясь, что тот посчитает его скупым, он сказал:

— В конце концов, господин Ли помогал мне, так что и платить ему должен я. Господин Чэнь, это моё упущение, я сейчас же ему переведу.

К тому же он помнил, что, когда очнулся, у Ли Хунъюя на губах была кровь.

— Не нужно, — Чэнь Лин остановил его, когда тот уже собирался достать телефон. — Мы договаривались на шестьсот тысяч. Ли Хунъюй помогал мне, так что и его долю должен выплачивать я.

Понимая, что юноша не лицемерит, Дин Цзюньюань не стал настаивать, тем более что с деньгами у него в последнее время было туго.

— Господин Дин, пойдёмте, покажите мне надгробие, — сказал Чэнь Лин.

Надгробие, тщательно завёрнутое в ткань, лежало в багажнике машины. Чтобы погрузить его, помимо самого Дин Цзюньюаня и мастера Суня, пришлось нанять ещё двух крепких мужчин.

Сейчас же из троих присутствующих ни один не отличался физической силой.

После долгих мучений им с трудом удалось вытащить надгробие из машины и опустить его на землю.

Чэнь Лин, потирая ноющие руки, позвонил бригадиру и попросил прислать двух рабочих на помощь.

Видя, что с горы спускаются только двое, Дин Цзюньюань предложил:

— Может, я тоже помогу?

— Надгробие не очень большое, людей хватит, — ответил Чэнь Лин. — Я вижу, вы всё время на часы посматриваете. Если у вас дела, поезжайте. В крайнем случае, мы с У Вэйвэем поможем.

У Дин Цзюньюаня была назначена встреча с инженером, который должен был проверить, не повреждена ли несущая конструкция студии. Время уже поджимало.

— Хорошо, тогда я поеду, — сказал он, торопливо садясь в машину и заводя мотор.

Рабочие были сильными и быстрыми. С помощью Чэнь Лина и У Вэйвэя они, приложив немало усилий, донесли надгробие до могилы.

Надгробие было таким, как и говорил мастер Сунь: верх украшали плавные линии облаков, а остальная поверхность была матовой, отполированной до мягкого блеска, который нежно отражал солнечный свет.

В девяти цунях от изголовья могилы, в земле, находилось основание для памятника, установленное ещё в день переноса захоронения. В нём было углубление, куда после заливки цемента можно было установить надгробие.

Чэнь Лин позаимствовал у бригадира цемент, песок, лопату и ведро с водой, собираясь сам всё замешать.

Смешивать цемент только на первый взгляд кажется простым делом. На самом деле это требует определённых навыков. Необходимо строго соблюдать пропорции: если чего-то будет больше или меньше, это повлияет на прочность смеси.

Пока Чэнь-гэ аккуратно отмерял цемент и песок, У Вэйвэй, присев на корточки, рассматривал надписи на надгробии. Чем дольше он смотрел, тем больше ужасался.

Боясь напугать рабочих, он оттащил Чэнь Лина в сторону.

— Чэнь-гэ, почему на этом надгробии... имена — твоё и Цзян-гэ?

Такая ситуация в любом другом случае сошла бы за сюжет фильма ужасов.

И в этот самый момент У Вэйвэй с ужасающей ясностью осознал, что он находится в самой гуще кульминационной сцены этого фильма.

— Ты всё не так понял, — соврал Чэнь Лин, не моргнув и глазом. — Это просто тётки.

«Обманывай кого-нибудь другого!»

— Тогда почему ты сам устанавливаешь надгробие?

Сегодня было особенно жарко. Чэнь Лин, изнемогая от зноя, снял белые перчатки и локтем вытер пот со лба.

— Ладно, скажу тебе правду. Это тайная техника, о которой никому нельзя рассказывать.

— Какая ещё тайная техника?! — У Вэйвэй, снедаемый любопытством, тут же забыл о фильме ужасов, ощутив себя участником документального расследования.

— Один очень уважаемый мастер предсказал твоему Цзян-гэ недолгую жизнь. Чтобы продлить её, нужно было найти человека, чьи восемь иероглифов судьбы гармонируют с его, и установить кенотаф. Это позволит передать иньскую продолжительность жизни в янскую и обмануть ведомство, управляющее жизнью и смертью. — Чэнь Лин говорил так убедительно, что почти сам поверил в свою ложь.

У Вэйвэй то кивал, то качал головой.

— Способ, конечно, гениальный, но неужели его не раскроют?

— Не раскроют, — продолжал выдумывать Чэнь Лин. — Судьба твоего Цзян-гэ необычна: он ни призрак, ни человек. Никто не сможет ничего обнаружить.

— Я слышал о такой судьбе. Человек должен родиться в иньский год, иньский месяц и иньский час, причём в направлении «ша», иначе он не сможет подавить свою иньскую энергию.

— Да, именно так.

— Неудивительно, что Цзян-гэ иногда, даже когда не злится, а просто сидит, излучает такую зловещую ауру. Оказывается, вот в чём дело.

— Угу, — Чэнь Лин, не чувствуя ни малейшего раскаяния за свою ложь, продолжал кивать.

У Вэйвэй потёр подбородок и, странно взглянув на своего Чэнь-гэ, вдруг всё понял.

— Что ты там себе надумал? — насторожился Чэнь Лин.

— Я тут подумал о ваших с Цзян-гэ отношениях, — хихикнул У Вэйвэй. — Я и раньше замечал, что между вами что-то необычное. Какая-то отстранённость, но в то же время и близость, особенно со стороны Цзян-гэ... Оказывается, всё дело в гармонии ваших восьми иероглифов.

Веко Чэнь Лина дёрнулось, предвещая недоброе.

— Судя по твоим словам, для такого важного дела простого тройного слияния иероглифов было бы недостаточно. У вас с Цзян-гэ, должно быть, шестикратное слияние.

Чэнь Лин молчал. Судя по его же выдумке, у них с Цзян Юем действительно должно было быть шестикратное слияние.

Нетрудно было догадаться, что У Вэйвэй скажет дальше.

— Чэнь-гэ, шестикратное слияние иероглифов — это идеальное сочетание для супругов, — с досадой, недоумением и сожалением произнёс У Вэйвэй. — Как же так вышло, что оно досталось двум мужчинам?

— Ох, — Чэнь Лин не хотел продолжать этот разговор. Он снова надел перчатки и вернулся к основанию памятника, чтобы мешать цемент.

У Вэйвэй последовал за ним и, присев на корточки, наблюдал за его работой.

— Ты так заботишься о Цзян-гэ, даже сам всё делаешь.

— Ну а кто ещё, я же заказчик, — ответил Чэнь Лин, поддев мастерком немного цемента. Он обернулся к отдыхавшим в стороне рабочим. — Мужики, посмотрите, так нормально?

— Нормально, в самый раз, — ответил один из них, куря.

Чэнь Лин с облегчением вздохнул. Он потряс ноющими руками и принялся закидывать цемент в основание. Когда углубление было заполнено наполовину, он попросил рабочих помочь установить надгробие. Затем он убрал излишки цемента, выступившие по краям.

Боясь, что предок будет придирчив, он позаимствовал у бригадира чистую влажную тряпку и тщательно вытер все следы ещё не застывшего цемента.

Глядя на надгробие из белого мрамора с выгравированными иероглифами, Чэнь Лин был очень доволен. Он тут же перевёл мастеру Суню дополнительное вознаграждение в знак благодарности.

В доме семьи Цзян, в кабинете Цзян Шэнсина, мужчина, сидевший с закрытыми глазами, вдруг открыл их.

Испугавшись его взгляда, Цзян Шэнсин поспешно умолк и робко спросил:

— Господин, я что-то не так сказал?

— Нет, — ответил Цзян Юй, подперев подбородок рукой и постукивая указательным пальцем по губам. Уголки его губ были приподняты, и он совсем не выглядел рассерженным.

Цзян Шэнсин, внимательно присмотревшись, немного успокоился.

— Младшие поколения семьи Цзян не знают о вашем существовании в мире живых. Лишь несколько стариков в курсе, и все они мечтают получить возможность засвидетельствовать вам своё почтение. Если вы не против, я всё организую. Если же нет — я их отговорю.

— Не нужно. — Цзян Юй, почувствовав, что произошло на горе Юйхэ, был в хорошем настроении.

Он отпил глоток чая и наставительно сказал:

— За добрые и дурные дела потомков семьи Цзян есть кому судить в семидесяти двух ведомствах. Ты следи за собой, а в остальное не вмешивайся и поменьше лезь в чужие дела.

— Да, да, вы правы, — согласился Цзян Шэнсин. Он сегодня пригласил предка не только по поводу инвестиций в гору Юйхэ, но и по просьбе одного человека.

Один из старейшин рода Цзян, чей сын умер много лет назад от болезни, остался с единственным внуком, которого он баловал как зеницу ока.

Недавно этот внук насмерть сбил человека. Чтобы избежать ответственности, он втайне договорился с семьёй погибшего о компенсации.

Семья не соглашалась, и тогда он прибег к угрозам.

Простые люди, не имеющие ни власти, ни связей, к тому же подавленные горем, испугались за своих престарелых родителей и были вынуждены подписать мировое соглашение.

После этого, неизвестно какими путями, этому молодому человеку удалось добиться условного срока.

Он уже думал, что всё обошлось, как вдруг однажды прибежал к деду и сказал, что в доме завелись призраки, и даже приглашённые для изгнания зла мастера не могут помочь.

Зная, что у Чэнь Лина есть способности, и что Цзян Юй в настоящее время находится вместе с ним на горе Юйхэ, старик попросил Цзян Шэнсина замолвить за него словечко, надеясь, что предок согласится помочь.

Цзян Юй покровительствовал семье Цзян тысячу лет, и никто никогда не осмеливался обращаться к нему с подобными просьбами у его могилы. Цзян Шэнсин был в смятении, но не успел он и слова вымолвить, как предок, всё предвидев, пресёк его попытку.

Судя по настрою Цзян Юя, он явно не хотел, чтобы его беспокоили.

— Отдыхайте спокойно на горе Юйхэ, — почтительно сказал Цзян Шэнсин. — Если что-то понадобится, дайте мне знать. Что же касается семьи Цзян... я вам обещаю, никто не посмеет вас беспокоить.

— Угу, — Цзян Юй поставил чашку и взял со стола новый телефон, который дал ему Цзян Шэнсин. Он открыл список контактов и нашёл только что сохранённый номер.

Номер принадлежал Чэнь Лину. Чтобы предку было удобнее его находить, Цзян Шэнсин специально поставил перед его именем букву «А», так что он был первым в списке.

Этот жест был собственной инициативой Цзян Шэнсина.

За полчаса разговора он отчётливо почувствовал, как меняется взгляд предка, стоит лишь упомянуть «господина Чэня».

Большой палец Цзян Юя скользнул по имени юноши. Он открыл режим редактирования, желая изменить имя на что-то другое.

Но, осознав, что их отношения ещё недостаточно близки, он передумал и, с редким для него выражением досады на лице, вышел из режима редактирования.

Чэнь Лин только что вернул инструменты бригадиру и вместе с У Вэйвэем спускался с горы, болтая о Ли Хуньюе.

— Он так и не ответил?

— Нет, — сказал У Вэйвэй. — Я боялся, что он забудет забрать деньги, и позвонил ему ещё раз, но автоответчик сказал, что абонент выключен.

Пока они разговаривали, они уже почти дошли до двора. Мимо них проехала белая легковая машина.

Машина, промчавшись мимо, резко затормозила у ворот двора, издав визг шин.

Из водительской и пассажирской дверей вышли мужчина и женщина. Один из них обошёл машину и достал из багажника большую клетку.

Стоило им переступить порог, как сине-фиолетовый попугай, до этого спокойно выщипывавший перья, встрепенулся, взлетел с жёрдочки и, усевшись на балку под крышей, наклонил голову и стал с любопытством разглядывать незнакомцев.

Чжао Сюньчан с сожалением собрал с земли перья и, положив их в маленькую деревянную коробочку, закрыл крышку и сунул её в карман. Лишь после этого он повернулся к гостям.

— Вы из Лесного управления?

— Здравствуйте, Старый мастер Чжао. Мы сотрудники центра разведения птиц, нас прислали из Лесного управления, — сказала девушка в красной футболке, подходя ближе и доставая из сумки своё удостоверение.

Чжао Сюньчан, не удовлетворившись этим, перевёл взгляд на её спутника.

Под его пронзительным взглядом юноша напрягся и тоже поспешно достал своё удостоверение.

Убедившись в их подлинности, Чжао Сюньчан позвонил начальнику Линю из Лесного управления и, ещё раз всё перепроверив, неохотно сказал:

— Он привыкает к людям медленно. Когда заберёте его, если он не будет даваться в руки, не торопите его, дайте ему время. Он любит апельсины, яблоки, манго, капусту и каштаны...

Сотрудники терпеливо слушали, а один из них даже записал часть на телефон, чтобы не забыть.

Но как бы он ни тянул время, в конце концов пришлось отдать птенца.

Как раз подошёл Чэнь Лин.

— Пойди, уговори его спуститься, — сказал Чжао Сюньчан, указав на балку.

Отношения между Чэнь Лином и попугаем были странными. С одной стороны, попугай постоянно над ним насмехался, с другой — этот обычно преданный только хозяину и настороженный к чужим птенец позволял ему гладить себя по голове.

— Сяо Лань, спускайся, — сказал он, глядя на яркое сине-фиолетовое пятно. Подумав, он попросил наставника дать ему крупный каштан. — Твоё любимое лакомство. Не спустишься — я сам съем.

— Не спущусь, не спущусь, не буду есть, не буду есть, — попугай отвернулся, показав юноше свой хвост.

Чэнь Лин обошёл с другой стороны и попросил наставника дать ему кусок фрукта.

— И это не будешь?

Попугай снова отвернулся.

Чэнь Лин не знал, смеяться ему или плакать. Он мягко сказал:

— Ты же мучаешься. Поехали вместе с ними в центр, посмотрим, что там, и вернёмся.

Неизвестно, надоело ли ему сидеть наверху или он действительно понял его слова, но сине-фиолетовый попугай повернулся и, не отрываясь, посмотрел на юношу, словно пытаясь понять, насколько правдивы его слова.

Человек и птица смотрели друг на друга целых три минуты, после чего большая синяя птица расправила крылья, слетела вниз и плавно опустилась на плечо юноши.

Сотрудники поспешили подойти и открыли клетку, но Чэнь Лин остановил их.

— Я поеду с вами. Он не любит клетки.

Сотрудники переглянулись и согласились.

Чжао Сюньчан со вздохом погладил попугая по маленькой головке. В его голосе звучала печаль и нежность.

— Лети. Если не понравится, скажи своему брату, он тебя заберёт. Дедушка будет ждать тебя здесь, никуда не уйдёт.

Гиацинтовый ара перестал выщипывать перья и принялся тереться головой о ладонь старика, повторяя:

— Вернусь, вернусь, я хочу вернуться.

Сцена была такой трогательной, что у девушки из центра разведения покраснели глаза.

Чэнь Лин тоже немного расчувствовался. Он похлопал попугая по аккуратно сложенным крыльям.

— Хватит нежностей, поехали, быстрее уедем — быстрее вернёмся.

<http://bllate.org/book/13702/1587947>